

ФИЛОСОФСКОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

(Окончаніе *).

II.

Раскрытыя нами воззрѣнія Достоевскаго имѣютъ болѣе отрицательный, чѣмъ положительный характеръ. Но и въ нихъ съ очевидностью намѣчаются общія, основныя точки положительной стороны міровоззрѣнія нашего мыслителя. Оно сосредоточивается на идеѣ истиннаго единенія людей, соответствующаго внутренней природѣ и назначенію ихъ, какъ основаннаго на религіозно-нравственныхъ началахъ. Видя несостоятельность механическаго объединенія людей для ихъ общаго совершенствованія, Достоевскій признаетъ возможнымъ и желательнымъ только союзъ лицъ, какъ существъ нравственно свободныхъ, слѣдовательно, чуждый всякаго насилія и виѣшняго принужденія. Какъ такой, союзъ этотъ предполагаетъ участіе въ немъ только самостоятельныхъ, самодѣятельныхъ членовъ, изъ которыхъ каждый представлялъ-бы особую нравственную личность, способную къ нравственному единенію съ другими.

Разматривая съ этой точки зрѣнія человѣка, именно—со стороны его способности къ такому единенію, Достоевскій во внутренней природѣ его прежде всего находитъ силы, потребности и стремленія, служащія условіемъ его самоусовершенствованія, какъ начала нескончаемаго совершенствованія, къ которому призываетъ христіанство; въ душѣ человѣка онъ

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 21.

видитъ внутреннее царство, то царство Божіе, которое составляетъ основу и начало вѣчнаго усовершенствованія,—то, что онъ многозначительно, хотя нѣсколько вычурно и замысловато, называетъ „собою въ себѣ“ у человѣка. По этому взгляду въ глубинѣ души человѣка кроется та искра Божія, которая освѣщаетъ ему путь къ совершенству, иногда озаряя и воспламеняя все существо его, и она-то не даетъ ему погибнуть при паденіи его даже въ страшную нравственную бездну. Изъ многихъ поэтическихъ образовъ, воплощающихъ эту любимую мысль Достоевскаго, самыми выразительными, конечно, являются въ его произведеніяхъ лица Раскольниковъ и Дмитрія Карамазова, съ ихъ тяжкимъ паденіемъ и подвигами самоотреченія и самоисправленія. Это живые глашатаи того, какъ человѣкъ, такъ сказать, нравственно потерявшійся, всегда можетъ, выражаясь словами Достоевскаго, „найти себя въ себѣ“, остановиться на томъ, къ чему влечетъ его духовная природа, чтобы прилагать возможные усилія къ достиженію цѣли этихъ влеченій—самоусовершенствованію,—какъ оживаетъ въ немъ заглушенное чувство внутренней правды, устремляющее его къ осуществленію высшихъ предначертаній, связанныхъ съ его бессмертіемъ. Благотворнымъ началомъ такого внутреннего возрожденія и слѣдующаго за нимъ сложнаго процесса самоусовершенствованія является въ нихъ самоосужденіе, самоотреченіе (условіе слѣдованія Христу), смиренное сознаніе, что они на ложномъ пути, отрѣшились отъ союза съ Богомъ, живя только для земли. Это начало внутреннего самоусовершенствованія Достоевскій ставитъ общимъ принципомъ нравственнаго возвышенія каждаго человѣка. Живое осуществленіе этого принципа, по нему, влечетъ за собою высшія проявленія чело-вѣческой души, въ которыхъ и состоитъ собственно самоусовершенствованіе. Такъ, сознавая, или скорѣе, чувствуя недостаточность единичнаго бытія, вообще недостаточность жизни для себя только, человѣкъ, по существу своей внутренней природы, испытываетъ неодолимую потребность связать свою жизнь съ жизнью другихъ людей и притомъ духовными узами, перенести свое я на другихъ, чтобы жить „въ другихъ и для другихъ“. Непосредственное влеченіе „къ другимъ“, имѣющее

характеръ какого-то тайнаго таготѣнія къ тому, что въ нихъ есть родственнаго, можетъ переходить въ любовь ко всѣмъ людямъ, къ человѣчеству. Она составляетъ, по взгляду Достоевскаго, уже высшее начало внутренняго усовершенствованія человѣка, и такъ какъ послѣднее есть безконечный процессъ, то любовь къ человѣчеству, являющаяся на землѣ только залогомъ блаженства, представляетъ вмѣстѣ высшую потребность, которою характеризуется безсмертная человѣческая душа. Понимаемая отвлеченно, какъ идея, любовь къ человѣку есть нѣчто въ высшей степени таинственное или, какъ выражается Достоевскій, — „одна изъ самыхъ непостижимыхъ идей человѣческаго ума, связанная съ мистическою стороною его существа“. Съ этой точки зрѣнія она уже, какъ явленіе, есть своего рода „чудо“ на землѣ, которое находитъ себѣ объясненіе и оправданіе лишь въ вѣрѣ въ безсмертіе души. Достоевскій признаетъ за несомнѣнное, что любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ не мыслима, не понятна и „совсѣмъ не возможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой. Тѣ-же, которые, отнявъ у человѣка вѣру въ безсмертіе, хотятъ замѣнить эту вѣру, въ смыслѣ высшей цѣли жизни, любовью къ человѣчеству, — поднимаютъ руки на самихъ себя, ибо вмѣсто любви къ человѣчеству насаждаютъ въ сердцѣ потерявшаго вѣру лишь зародышъ ненависти къ человѣчеству“. Вмѣстѣ съ этимъ, въ потребности любить ближнихъ онъ усматриваетъ нѣчто прирожденное. Соглашаясь съ разсужденіями объ этомъ предметѣ Левина, героя извѣстнаго романа Л. Н. Толстаго, — какъ съ „весьма вѣрными“, онъ, въ своемъ Дневникѣ Писателя, какъ-бы самъ говорить устами этого вымышленнаго лица: „Всѣ на свѣтѣ понимаютъ или могутъ понять, что надо любить ближняго какъ самого себя. Въ этомъ знаніи, въ сущности, и заключается весь законъ человѣческой, (т. е. взаимныя отношенія между людьми), какъ и объявлено намъ Самимъ Христомъ. Между тѣмъ это знаніе прирожденно, стало быть, послано даромъ, ибо разумъ ни за что не могъ бы дать такое знаніе, — почему? Да потому, что „любить ближняго“, если судить по разуму, выйдетъ не разумно“. Какъ своего рода прирожденная идея, какъ стремленіе духовно инстинк-

тивное, какъ нѣчто потенциальное, любовь къ ближнимъ для своего проявленія и развитія требуетъ усиленнаго участія свободной воли человѣка. Поэтому Достоевскій представляетъ ее плодомъ труда, которому можно и нужно учиться, слѣдствіемъ постоянныхъ усилій воли. Въ своемъ высшемъ развитіи эта дѣятельная любовь выражается въ жертвахъ самоотверженія, которыя служатъ самымъ возвышеннымъ и могущественнымъ средствомъ тѣснѣйшаго сближенія и единенія между людьми. Такая любовь подлежитъ вмѣняемости и, слѣдовательно, имѣетъ нравственное значеніе, чѣмъ, между прочимъ, и характеризуется нравственная личность человѣка со стороны способности къ духовному единенію съ другими людьми.

Достоевскій, который такъ постигалъ тайны души человѣческой, этимъ особенностямъ склада нравственной личности человѣка приписываетъ особенный смыслъ и значеніе. По его пронзительному взгляду, эти черты служатъ неизбѣжнымъ основаніемъ того вѣчно совершенствующагося внутренняго царства правды въ человѣкѣ, на которомъ (основаніи) только и можетъ созидаться, въ свою очередь, царство правды—въ смыслѣ объективномъ,—этого ничѣмъ незамѣнимаго условія всякаго союза между людьми.

Самоосужденіе, какъ факторъ внутренней жизни, способствующій тѣсному нравственному единенію людей, по взгляду Достоевскаго, не только не даетъ возможности человѣку переносить свою виновность на другихъ, на среду, на ненормальность устройства общества, съ отрицаніемъ ответственности за преступленія, но заставляетъ даже проникаться виновностью другихъ, какъ своею, видѣть въ ней свое участіе. Вопреки тому взгляду на виновность и преступность, по которому „преступникъ безответственъ“, и „преступленія не существуетъ“, коль скоро „общество устроено ненормально“, Достоевскій съ особенною настойчивостью утверждаетъ, что самоосужденіе, сознаніе преступности свойственно человѣку, находящемуся даже на самой низкой степени нравственнаго паденія, что никто изъ преступниковъ не дерзаетъ считать свои преступленія не преступленіями. Таже самая черта, но только въ болѣе усиленной степени должна, съ точки зрѣнія

Достоевскаго, отличать и человѣка, стоящаго на высотѣ нравственнаго развитія. Только виновность его предъ другими понимается имъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Ставя себя въ живую связь съ окружающею средою, человѣкъ высоконравственный сознаетъ, что онъ самъ неминуемо оказываетъ то или другое, но постоянное и неуловимое часто воздѣйствіе на эту среду. Поэтому Зосима („Братья Карам.“), несомнѣнный выразитель воззрѣній Достоевскаго, съ полнымъ основаніемъ могъ сказать, что „самъ будешь лучше, и среда будетъ лучше“. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ становится отвѣтственнымъ, въ извѣстной мѣрѣ, не только за себя, но и за свою среду. Отвѣтственность за дѣянія другихъ въ истинно-нравственномъ человѣкѣ простирается до такихъ предѣловъ, далѣе которыхъ уже не мыслима никакая вмѣняемость: соотвѣтственно данному взгляду, онъ является виновнымъ въ грѣховности ближнихъ уже потому только, что, по требованію любви, не прилагалъ надлежащихъ усилій къ отклоненію того, что такъ или иначе способствовало этому ненормальному настроенію и выраженію его въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Признаніе прямой или косвенной виновности въ грѣхахъ другихъ, по этому взгляду, должно быть свойственно всякому человѣку, что и выражается въ многозначительномъ афоризмѣ Зосимы: „всѣ во всемъ и предъ всѣми виноваты“. Само собою понятно, что этимъ признаніемъ всеобщей и взаимной виновности никоимъ образомъ не оправдывается преступность, и повсе не подтверждается тотъ взглядъ, по которому совершенно отрицается преступность, какъ ея продуктъ ненормальныхъ условій жизни,—взглядъ, противъ котораго, какъ извѣстно, сильно ратовалъ Достоевскій. Какъ связанное съ самоосужденіемъ, оно имѣетъ цѣлію удовлетвореніе требованіямъ правды, а также всепрощеніе—по любви.

Такимъ образомъ, самоосужденіе, въ соединеніи съ чувствомъ любви къ ближнимъ, будучи началомъ самоусовершенствованія отдѣльныхъ лицъ, по взгляду Достоевскаго, должно приводить людей къ сознанію взаимной виновности и къ нравственному всепрощенію. Въ этомъ онъ видитъ особую нравственную силу, благодаря которой устанавливаются отношенія между людьми,

соотвѣтствующія ихъ духовнымъ стремленіямъ. При сознаніи взаимной виновности, уравнивающей людей между собою, какъ-бы служащей однимъ изъ началъ или, точнѣе, условій внутренняго равенства ихъ, — при сознаніи этой общей виновности другъ предъ другомъ, заключающемъ въ себѣ побужденіе къ всепрощенію, уступкамъ, къ жертвамъ, наконецъ, по требованію правды и любви, — предполагается возможнымъ такое духовное сближеніе между людьми, при которомъ каждый можетъ жить въ другомъ своимъ „я“. Въ силу такого взаимоотношенія, такого внутренняго, нравственно-родственнаго единенія устанавливается, такимъ образомъ, одна изъ высшихъ формъ отношенія между людьми — братство. На это именно условіе несомнѣнно указываетъ Достоевскій, высказывая и въ „Дневникѣ Писателя“, и въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, отъ лица Зосимы, многозначительно, что „будутъ братья, будетъ и братство“, т. е. если будетъ нравственное, духовное родство между людьми, то оно соотвѣтствующимъ образомъ, какъ необходимая формула, выразится въ извѣстномъ характерѣ внѣшнихъ отношеній. А въ братствѣ отношенія, основывающіяся на любви и правдѣ, складываются такимъ образомъ, что входящія въ этотъ нравственный союзъ становятся не механически сплоченными единицами, а живыми членами цѣлаго, которые, такъ сказать, взаимно—проникаются, внутренне сливаются, срастаются въ одинъ живой организмъ, не теряя однако своей самостоятельности. Между ними происходитъ постоянный обмѣнъ жертвъ, вызываемыхъ взаимною любовію и смиреннымъ сознаніемъ cadaго, что для него нѣтъ жизни внѣ цѣлаго, нѣтъ возможности достигать высшихъ цѣлей жизни своей—съ одной стороны, — и признаніемъ того, что только подъ условіемъ успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей отдѣльными членами возможно достиженіе цѣлей цѣлаго общества—съ другой. Проникнутый идеею истиннаго братства, Достоевскій въ одномъ мѣстѣ рисуетъ увлекательную картину этого духовнаго союза, на которую можно смотрѣть, какъ на лучшую иллюстрацію его. Выказавшись въ „Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ о томъ, что „надо“ для того, чтобы было братство, онъ далѣе задается вопросомъ: „Въ чемъ состояло-бы это братство?“, на

который отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ томъ, чтобы каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала-бы обществу: „мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите-же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы... „я всѣ свои права вамъ отдаю... Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать... Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только-бы ваше то братство процвѣтало и осталось“. А братство, напротивъ, должно сказать:— „ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что-же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье? Возьми-же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобы у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія... Мы неуспяно о тебѣ стараемся, потому что мы братья“...

Вотъ въ какомъ складѣ отношеній Достоевскій находитъ ту высшую, идеальную формулу единенія между людьми, къ осуществленію которой должно стремиться все человѣчество, чтобы вмѣстѣ съ этимъ владѣть средствами къ выполненію высшихъ назначеній въ земной жизни.

Осуществленіе высшихъ цѣлей жизни человѣчества Достоевскій, какъ мы видѣли, поставяетъ въ живую связь и непосредственную, притомъ исключительную зависимость отъ того, что служить къ выполненію назначенія отдѣльной личности каждаго человѣка—къ внутреннему самоусовершенствованію въ духѣ правды и любви. Отсюда основу братскаго единенія онъ находитъ въ глубинѣ человѣческой души — въ стремленіяхъ нравственныхъ, присущихъ всякому человѣку, какъ существу нравственно-свободному, — въ началахъ личнаго усовершенствованія единицъ. А такъ какъ идею совершенствованія человѣка Достоевскій рассматриваетъ въ связи съ идеєю его безсмертія, находящую оправданіе себѣ только въ религіи, то высшее освященіе стремленіямъ отдѣльныхъ людей къ братскому союзу, по нему, сообщаютъ стремленія религіозныя. Въ этомъ-то онъ и видитъ особую силу нравственной идеи, какъ единящаго

начала, по которому человечество может устремляться „къ цѣлямъ вѣковѣчнымъ, радости абсолютной“.

Сообразно съ такимъ взглядомъ, религіозно-нравственную идею Достоевскій полагаетъ въ основу стремленій къ лучшему устройенію жизни людей,—въ основу идеаловъ общественныхъ и государственныхъ, къ отысканію вѣрной и незамѣнимой формулы, по возможности удовлетворяющей всѣхъ. И эта животворящая вѣковѣчная идея, по взгляду нашего мыслителя, уже отчасти нашла соотвѣтствующее выраженіе въ исторіи человечества, хотя полного и высшаго осуществленія ждетъ въ будущемъ. Такъ, ея могущественному дѣйствию обязаны своимъ происхожденіемъ и развитіемъ такіе великіе союзы въ человечествѣ, какъ націи, съ ихъ строемъ жизни, соотвѣтствующимъ тѣмъ или другимъ идеаламъ. „При началѣ всякаго народа, говоритъ Достоевскій, всякой національности, идея нравственная всегда предшествовала національности, *ибо она же и создавала ее*; исходила же эта нравственная идея всегда изъ идей мистическихъ, изъ убѣжденія, что человекъ вѣченъ, что онъ не только земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчностью. Эти убѣжденія всегда и вездѣ формулировались въ религію, въ исповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась новая религія, такъ тотчасъ-же создавалась гражданская новая національность. . . Чтобы сохранить полученную духовную драгоценность, тотчасъ-же и влекутся другъ къ другу люди и только тогда начинаютъ отыскивать, какъ-бы такъ устроиться, чтобы сохранить полученную драгоценность, не потерявъ изъ нея ничего, какъ-бы отыскать такую гражданскую формулу совмѣстнаго житія, которая именно помогла-бы имъ выдвинуть на весь міръ... ту драгоценность, которую они получили“. Мысли эти направляются къ тому выводу, что основаніемъ „всему въ жизни народа“ является „совершенствованіе въ духѣ религіозномъ“, что такъ называемые „гражданскіе идеалы“, съ ихъ формулою въ тѣхъ или другихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, не будучи основнымъ, первоначальнымъ факторомъ совершенствованія націи, представляютъ не что иное, какъ слѣдствіе личнаго самоусовершенствованія единицъ, для котораго живетъ нація и которое „не

только есть начало, но и продолженіе и исходъ всего^а въ организмѣ національности. Вслѣдствіе этого, когда ослабѣвають внутреннія, нравственныя основы жизни націи, когда личное самоусовершенствованіе перестаетъ быть потребностью всѣхъ и каждаго, — тогда, по разсужденію Достоевскаго, падаютъ и „гражданскія учрежденія“ и наступаетъ „начало конца“. Это потому, именно, что никакая „гражданская идея“, которая будто-бы можетъ выродиться изъ религіозно-нравственной, не въ состояніи замѣнить послѣдней безъ ущерба для жизни націи, не угрожая ей паденіемъ.

Въ связи съ мыслями Достоевскаго о великомъ значеніи религіозно-нравственной идеи, какъ единящаго начала націи, въ особенности идеи христіанской, у него находится взглядъ на отношеніе Церкви къ государству. Съ отрицательной стороны—взглядъ этотъ самъ собою выясняется изъ разсматриванія католичества съ его идеею, по которой Церковь въ немъ „перевосплотилась въ государство“. вмѣстѣ съ искаженіемъ, подавленіемъ христіанской религіозной идеи, и нравственныя начала въ католичествѣ, при этомъ, должны были пострадать, утратить то абсолютное, вѣчное, къ чему необходимо устремляться Церкви при способствованіи личному совершенствованію членовъ своихъ и чрезъ него — нравственному ихъ единенію. Такъ какъ это начало единенія тѣмъ и прочно, что связуетъ интересами „вѣчнаго“, прежде всего, въ союзъ націи, то, по Достоевскому, не Церковь должна перерождаться въ государство, теряя, такимъ образомъ, свои цѣли, а, какъ говоритъ онъ въ лицѣ Ивана Карамазова (являющагося въ данномъ случаѣ выразителемъ взгляда автора его), „всякое земное государство должно превратиться въ Церковь вполне и стать ничѣмъ инымъ, какъ лишь Церковью, уже отклонивъ всякія несходныя съ церковными свои цѣли“; или, какъ высказывается за него о. Паисій („Братья Карамазовы“), „надо, чтобъ не Церковь переродилась въ государство, какъ изъ низшаго въ высшій типъ, а, напротивъ, государство должно окончить тѣмъ, чтобы сподобиться стать единственно лишь Церковью и ничѣмъ инымъ болѣе... восходить до Церкви и становиться Церковію по всей землѣ“. Только при этомъ Церковь, проникающая всѣ госу-

дарства, можетъ чрезъ воздѣйствіе на то, что въ стремленіяхъ всѣхъ людей есть всеобщаго „всечеловѣческаго“, сблизить, сроднить ихъ,—образовать изъ нихъ всемірное, вселенское братство.

Такимъ образомъ, личное самоусовершенствованіе, путемъ достиженія цѣлей правды и любви въ духѣ религіозномъ, служа основаніемъ и вмѣстѣ цѣлью совершенствованія цѣлаго—общества, какъ принципъ, имѣющій всечеловѣчскій характеръ, въ своемъ осуществленіи, можетъ и должно вести къ всечеловѣческому духовному единенію, къ братству,—этой искомой высшей формулѣ внутренняго благоустройства жизни человѣчества. Живою организующею внутреннею силою, по воззрѣнію Достоевскаго, должна быть истинная Церковь, та остающаяся въ неизмѣнной, неприкосновенной чистотѣ и святости Церковь, которая сохраняетъ въ себѣ и способна вселять или, такъ сказать, воплощать въ духѣ чадъ своихъ великую идею братскаго единенія и которой, поэтому, предназначено быть единою, вселенскою. Что это за Церковь, и какая нація, по дѣйствию ея, одушевляясь этою идеею, какъ залогомъ грядущаго обновленія всего человѣчества, прежде всего способна осуществить въ себѣ принципъ братства и затѣмъ быть всемірнымъ проводникомъ его? Рѣшеніе этого вопроса составляетъ конечный пунктъ философствованія Достоевскаго, и мысль его здѣсь получаетъ смѣлый и высокій полетъ.

Три великія міровыя идеи, подъ вліяніемъ которыхъ воспитались разныя націи, останавливаютъ, при этомъ, на себѣ философское вниманіе нашего мыслителя. Первая изъ нихъ—идея католическая, какъ идея католическихъ націй, выражающаяся въ извѣстной характерной доктринѣ. Мы уже видѣли, какъ относятся Достоевскій къ этой идеѣ, какую, такъ сказать, ассимиляцію и какое чудовищное превращеніе находитъ возможнымъ онъ въ ней. Для насъ ясно, поэтому, что не ей, не этой идеѣ древняго Рима—механическаго насильственнаго единенія, способной превратиться въ социалистическую, суждено обновить міръ людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и двигать его по пути совершенствованія,—что она, напротивъ, по логической необходимости должна обезсилѣть, истощиться, сдѣлаться несостоятельною. Вторая идея—протестантская, соб-

ственно національно-германская, отрицающая идею римскую, только формулировавшаяся в ереси Лютера. Но эта идея — отрицательная; она есть только отрицание католичества и не имѣетъ въ себѣ ничего, что могло бы дать человечеству новое слово, возродить его. Поэтому ей „придется умереть духовно самой“, какъ только „исчезнетъ съ земли католичество“, потому что тогда „не противъ чего будетъ протестовать“. Вся сила спасенія для человечества, вся надежда на разрѣшеніе судьбы его, по Достоевскому, значить — въ третьей міровой идеѣ. Это идея православная, славянскихъ націй, воспитавшихся подъ вліяніемъ православія, частице — русская, какъ воплотившаяся въ русскомъ народѣ. Носителемъ и представителемъ этой православно-славянской идеи Достоевскій признаетъ русскій народъ потому, что въ его національныхъ особенностяхъ онъ видитъ полное отраженіе православія, даже болѣе, такъ сказать, воплощеніе началъ его. Въ самомъ дѣлѣ, все, что есть въ русской національности высокаго, идеальнаго, заветнаго, священнаго, что составляетъ его несокрушимую духовную силу, — все это онъ выводитъ изъ православія, изъ дѣйствія его на складъ этой національности, при томъ такой складъ, по которому оно слилось съ существомъ ея, не оставивши какою-либо только прикрасою, или только механически воспринятымъ атрибутомъ. А православіе, въ его сущности, Достоевскій понимаетъ, какъ средоточіе, во всей полнотѣ и неприкосновенности христіанской истины, „свѣта духовнаго“, духа христіанства и силы его; въ частности — онъ видитъ въ немъ выраженіе идеи всечеловѣческаго единенія, или самую эту идею, но не какъ сухую, отвлеченную формулу, а вмѣстѣ и живое осуществленіе ея, „основанное на нравственной надеждѣ утоленія духа по началамъ личнаго самоусовершенствованія“, проявившееся еще въ древней Церкви созиданіемъ „новой, неслыханной дотолѣ національности — всебратской, всечеловѣческой, въ формѣ вселенской Церкви“. Этотъ „свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и указывающій ему дорогу жизни, какъ говоритъ Достоевскій, проникъ вмѣстѣ съ православіемъ въ русскій народъ; имъ „онъ просвѣтился, принявъ въ свою

суть Христа и Его учение“, посредствомъ Церкви, ея гимновъ, какъ, напримѣръ, гимна: „Господи сила, съ нами буди“, въ которомъ „вся правда Христова“, и—молитвъ, въ родѣ: „Господи, Владыко живота моего“, въ которой „вся суть христіанства“. Въ священныхъ словахъ одной этой—последней—молитвы Достоевскій видитъ самое простое, непосредственное выраженіе духа христіанства,—того духа смиренномудрія, терпѣнія и любви, при свѣтѣ котораго можно человѣку зрѣть свои прегрѣшенія и соблюдать правду отношеній къ брату,—выраженіе истыхъ началъ личнаго нравственнаго самоусовершенствованія. Духъ этотъ вселился въ русскій народъ, живетъ въ немъ, сообщивъ ему ту возвышенную духовную настроенность, по которой онъ только и является способнымъ къ служенію идеѣ всечеловѣческаго братскаго единенія.

Одну изъ счастливыхъ, лучшихъ чертъ этой настроенности, особенно отличающихъ русскій народъ и не встрѣчающихся ни въ какой націи, Достоевскій указываетъ въ самоосужденіи, въ живомъ сознаніи русскимъ человѣкомъ своей грѣховности, „личной отвѣтственности предъ всѣми“,—въ этомъ высшемъ выраженіи народной правды и свободы духа, какъ основнаго начала личнаго самоусовершенствованія. Съ искреннимъ убѣжденіемъ человѣка, визнавашаго духовную природу своего народа, Достоевскій выставляетъ, въ свидѣтельство правды народной, какъ несомнѣнный фактъ, то, что ни одинъ русскій, запятнавшій свою совѣсть пороками, преступленіями, въ глубинѣ души своей, не считаетъ себя нравственно чистымъ, не оправдываетъ своихъ поступковъ, а признаетъ свою виновность въ нихъ, какъ въ дѣлахъ его свободной воли. Недаромъ русскій преступникъ, по нему, не любитъ говорить о томъ, что составляетъ его душевную рану, „про“ горькое „это“,—о своемъ преступленіи, какъ съ особеннымъ вниманіемъ указываетъ на то Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“. Стоитъ также вспомнить его анализъ внутренняго состоянія русскаго безобразника, который „слышитъ какимъ-то чутьемъ, въ тайникахъ безобразной души своей, что онъ—негодяй“, почему и „не доволенъ собой“; въ его сердцѣ нарастаетъ попрекъ, и онъ мститъ за него окружающимъ,

бѣснуется и мечется на всѣхъ и доходить до краю". Лучшею иллюстраціею этого служить для насъ столь характерный и вполнѣ типичный образъ Мити Карамазова, этого *непосредственнаго* русскаго человѣка, со всѣмъ его безудержемъ и вмѣстѣ съ его дѣтскою простотою и теплотою сердца. Въ немъ поэтъ-мыслитель показываетъ, съ какою „стремительностью“, съ какою „силою покаянія, жаждою страданія“ русскій человѣкъ можетъ отдаваться самоисправленію. Но особенно разительнымъ представляется Достоевскому все это — и сила смиренія, самоотреченія, покаянія, и „страстная жажда страданія, потребность самоспасенія“ въ величавомъ образѣ Некрасовскаго Власа, который онъ освѣщаетъ съ этой именно стороны, соотвѣтственно идеѣ, что „исканіе добраго въ русскомъ человѣкѣ имѣетъ покаянную форму“. Разсматриваемой чертѣ русскаго народа Достоевскій придаетъ весьма важное значеніе — въ той мысли, что съ нею Власы — суть живые глашатаи народной правды, что имъ принадлежитъ наше будущее, потому что они „укажутъ намъ новую дорогу и новый исходъ изъ всѣхъ, казалось-бы, безысходныхъ затрудненій“. Благодаря ей, этой спасительной чертѣ, конечно, а не какимъ-то смутнымъ, безсознательнымъ идеямъ, русскіе люди относятся со всепрощеніемъ къ другимъ грѣшникамъ, признавая себя участниками въ ихъ грѣхахъ и рѣшаютъ труднѣйшую проблему преступности, о которую (проблему) разбиваются умы многихъ просвѣщенныхъ людей, объясняющихъ преступность влияніемъ среды и, слѣдовательно, отрицающихъ ее. Русскій народъ преступниковъ называетъ „несчастливыми“ и, по Достоевскому, какъ бы такъ говорить: „вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь грѣшны. Будь мы на вашемъ мѣстѣ, — можетъ, и хуже-бы сдѣлали. Будь мы получше, — можетъ, и вы не сидѣли-бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе“. Но, примирясь съ преступникомъ, русскій народъ, по тонкому доводу Достоевскаго, не мирится съ преступленіемъ, какъ зломъ, осуждаетъ его (какъ осудилъ Христосъ грѣхъ прощенной имъ грѣшницы), и принимая долю вины на себя, не оправдываетъ преступленія влияніемъ среды, — напротивъ, — то или другое состояніе среды ста-

вить въ зависимость отъ личнаго самоусовершенствованія. Для народа преступникъ несчастенъ, такимъ образомъ, тѣмъ, что впалъ въ искушеніе.

Живое сознаніе своей грѣховности, виновности не только въ своихъ, но и въ чужихъ грѣхахъ, это какое-то непосредственное чувствованіе нарушенія гармоніи человѣческихъ отношеній, имѣющее источникомъ любовь къ другимъ,—все это вызываетъ въ русскомъ человѣкѣ постоянную потребность, какъ думаетъ Достоевскій,—страдать не только за себя, но и за другихъ *сострадать*. Желаніе и готовность страдать за другихъ очень ярко выражены у Достоевскаго въ образѣ того-же Мити Карамазова; не будучи виновнымъ въ преступленіи, за которое подвергся осужденію, онъ порывается отстрадать за каторжниковъ, такъ какъ, по его взгляду, *въ изъ преступленійхъ ось виноваты*, и „за дитѣ“, видѣнное въ сновидѣніи, какъ образъ страждущей невинности. Способность русскаго человѣка проникаться бѣдственной участью другихъ, принимать неподдѣльное участіе въ страданіяхъ ихъ, Достоевскій представляетъ какою-то необыкновенною, исключительною, возвышающею его предъ людьми другихъ націй. Она выражается въ неутолимой жаждѣ жертвъ, доходящихъ въ своемъ высшемъ проявленіи до крайней степени самоотверженія, до желанія пожертвовать жизнію, *положить душу свою за другихъ*. Ее видитъ Достоевскій и въ нѣжномъ, материнскомъ какомъ-то чувствѣ, съ которымъ мужикъ Марей ласкаетъ, обдиряетъ „мальца“-барченка, испугавшагося волка, осѣняетъ его и самъ осѣняется крестнымъ знаменіемъ, оставляетъ свою работу, чтобы проводить его глазами, какъ-бы въ знакъ защиты; его поражаетъ „предложеніе няни пожертвовать несчастному, обѣднѣвшему барину скопленнымъ въ продолженіе сорока лѣтъ на старость достояніемъ; онъ увлекается подвигомъ мужиковъ (изображеннымъ въ „Семейной хроникѣ“ Аксакова), которые „перевели въ Казань, чрезъ широкую Волгу“, по тонкому льду, весной, когда уже никто не рѣшался ступить на ледъ, взломавшійся (и прошедшій всего только нѣсколько часовъ спустя по переходѣ), одну мать къ больному ребенку и сдѣлали все это *изъ-за слезъ матери и для Хри-*

ста, отказавшись отъ денежнаго вознагражденія“. Но особенно убѣждаетъ его въ одушевленныхъ порывахъ русскихъ людей къ подвигамъ самоотверженія для блага ближнихъ то еднородное, возможное только у русскихъ, чисто народное, соединенное съ самопожертвованіемъ, участіе, съ которымъ они относились къ рѣшенію Восточнаго вопроса, особенно въ послѣдней войнѣ. На войну вообще Достоевскій смотритъ высоко,—видитъ въ ней не только неизбежное зло, которое допускается, съ нравственной точки зрѣнія, для достиженія известнаго блага, а какъ еще на могущественное средство, благодаря которому народъ одушевляется высшими чувствами—близости другъ къ другу, духовнаго родства, братства, сплачивается, приходитъ въ тѣснѣйшее единеніе. Разсуждая о томъ, что „не всегда война—бичъ, а иногда спасеніе“, онъ говоритъ, что „подвигъ самопожертвованія кровію за все то, что мы считаемъ святымъ, конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катихизиса, подъемъ духа націи ради великодушной идеи есть толчекъ впередъ, а не озвѣреніе“. Война, поэтому, за славянъ, за православное дѣло, во имя духовнаго единенія съ единовѣрными братьями, для ихъ освобожденія, путемъ жертвъ, отъ вѣковыхъ страданій эта война за идею,—получаетъ въ его глазахъ еще высшее освященіе, такъ какъ въ ней, въ недостигаемой для другихъ націй степени, совершенствовался духъ самоотверженія въ русскомъ народѣ.

Постоянное стремленіе русскаго человѣка къ самопожертвованію для блага другихъ, этотъ тайный призывъ къ страданію съ другими и за другихъ, эта потребность духовнаго общенія въ страданіи,—все это Достоевскій связываетъ въ немъ съ христіанскою идеею. Проникнутый этою идеею, русскій человѣкъ, по нему, всѣ свои жертвы, начиная съ милостыни, этого ближайшаго средства къ духовному общенію, совершаетъ „ради Христа“, во имя Его, по долгу христіанской любви, безъ которой не мыслима истинная жертва,—для приближенія ко Христу, какъ идеалу совершенства. Идея эта не есть что либо отвлеченно-мыслимое, холодно сознаваемое,—нѣтъ, она живетъ въ сердцѣ русскаго человѣка, есть живое чувство, заставляющее отзываться на все, что требуетъ участія и служа-

щее, такъ сказать, пружиною въ дѣлѣ самопожертвованія. Такъ, именно, Достоевскій понимаетъ вѣру русскаго народа въ идею, которою (вѣрою) онъ какъ-бы непосредственно руководствуется въ своихъ стремленіяхъ, вытекающихъ изъ исключительныхъ особенностей его внутренняго настроенія. Она-то и является тѣмъ свѣточемъ, которымъ озаряется *грядущее* русскаго народа.

Итакъ, воспитанный подъ влияніемъ благотворныхъ началъ православія, одушевленный его религиозно-нравственною идеею, отражающеюся въ цѣломъ настроеніи, русскій человѣкъ, какъ собирательная личность, по взгляду Достоевскаго, вполне владѣетъ тѣми условіями, при которыхъ только возможно братское единеніе между людьми, какъ основывающееся на самоотрицаніи, на взаимныхъ жертвахъ, вызываемыхъ одною любовію къ ближнимъ. Идея такого нравственнаго сближенія, такого истиннаго устройства отношеній между людьми хотя еще не получила у русскаго народа опредѣленной, настоящей формулы, но, по Достоевскому, осуществляется въ самой жизни этого народа, которому, поэтому, предстоитъ высокая миссія внесенія ея въ другія націи, начиная съ націй славянскихъ, какъ близкихъ по природѣ и по духовнымъ стремленіямъ. Этому должна служить такъ называемая „славянская идея“. Понимаемая въ высшемъ смыслѣ, она, по словамъ Достоевскаго, есть „жертва, потребность жертвы даже собою за братьевъ и чувство добровольнаго долга сильнѣйшему изъ славянскихъ племенъ заступиться за слабого, съ тѣмъ, чтобы, уравнивъ его съ собою въ свободѣ и политической независимости, тѣмъ самымъ основать впредь великое всеславянское единеніе во имя Христовой истины, т. е. въ пользу, любовь и службу всему человѣчеству, на защиту всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ въ мірѣ“. Въ этихъ многозначительныхъ словахъ нельзя не видѣть выраженія той завѣтной мысли Достоевскаго, что всеславянское единеніе должно стать началомъ всечеловѣческаго единенія въ духѣ братской любви,—единенія, которому имѣетъ послужить русскій народъ, такъ какъ въ духѣ его заключается живая потребность всеединенія. Въ этомъ смыслѣ нарождающаяся „славянская идея“ называется Достоевскимъ міровою идеею, „грядущею возможностью разрѣшенія судебъ человѣческихъ“.

Исходя изъ русской націи, идея эта, по воззрѣнію Достоевскаго, направляется къ „всемирному синтезу“, къ примиренію всѣхъ противорѣчій въ человѣчествѣ. И онъ признаетъ именно русскій народъ призваннымъ къ миссіи служенія всечеловѣческому единенію въ братскомъ союзѣ, освящаемомъ религиозно-нравственною идеею, потому что ни одна изъ націй не обнаруживала и не проявляетъ теперь такой отзывчивости на все человѣческое во всѣхъ національностяхъ, какъ русскіе, которые способны совмѣщать въ себѣ самыя разнородныя элементы разныхъ націй. Угадывая чутьемъ своей воспримчивой натуры общечеловѣческое въ чертахъ другихъ націй, русскій человѣкъ „соглашаетъ, примиряетъ“, какъ говоритъ Достоевскій, эти черты въ себѣ и, такимъ образомъ, является „всечеловѣкомъ“. Нагляднымъ доказательствомъ способности у русскаго человѣка къ такому синтезу для Достоевскаго служить напримѣръ, то, что никто, какъ русскій, не въ состояніи усвоить чуждаго языка, что называется до тонкости, до пониманія духа его, какъ своего роднаго. Но въ высшей степени проявленіе этой отзывчивости, воспримчивости къ всечеловѣческому и этой всепримиримости у русской націи Достоевскій видитъ въ величайшихъ представителяхъ и выразителяхъ ея генія—въ Пушкинѣ и Петрѣ I. Въ знаменитой рѣчи, посвященной чествованію Пушкина, Достоевскій, раскрывая глубоко-національное значеніе этого великаго поэта, указываетъ въ его художественномъ геніи на необычайную, безпримѣрную черту—„способность всемирной отзывчивости и полнѣйшаго перевожденія своего духа въ духъ чужихъ народовъ“, и именно указываетъ какъ на „главнѣйшую способность нашей національности“. Онъ приписываетъ Пушкину *пророчесвенное* значеніе въ томъ смыслѣ, что въ немъ, въ этой его всечеловѣчности генія „выразилась національная русская сила... народность нашего будущаго“. Являясь угадчикомъ этого будущаго, Пушкинъ, по взгляду Достоевскаго, былъ вмѣстѣ фактическимъ истолкователемъ того знаменательнаго момента въ развитіи русской національности, который представляетъ собою реформа Петра I, и на себѣ оправдалъ то, что сдѣлано ею въ видѣ начинаній. Въ виновникѣ сближенія русскаго народа съ европейскими на-

ціями и первыхъ попытокъ соединенія съ нимъ послѣднихъ не только во внѣшнихъ формахъ жизни, но и въ духѣ—въ Петрѣ I Достоевскій находитъ также какое-то чутье, по которому онъ проникся мыслию о необходимости нашего примиренія съ европейскими цивилизаціями для удовлетворенія нашей потребности всеслуженія человѣчеству, съ цѣлю всеобщаго примиренія и затѣмъ устроенія въ немъ братскаго единенія.

Все изложенное относительно философскихъ воззрѣній Достоевскаго, слагающихся въ цѣлое міросозерцаніе, можно, кажется, свести теперь къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1. Человѣкъ, представляющій какъ-бы средоточіе міровой жизни, носитъ въ себѣ начала гармоніи ея и вмѣстѣ съ тѣмъ своего блага. Сознаніе и проявленіе этого обуславливается въ немъ вѣрою въ безсмертіе души, въ безконечность самосовершенствованія, вѣрою, въ которой коренятся основы религіозно-нравственной жизни.

2. Безъ вѣры въ безсмертіе души жизнь человѣка теряетъ истинный свой смыслъ, является какою-то игрою косной природы, обидною для самосознающаго существа. Освободиться отъ самовластия природы, этого бездушнаго божества и стать выше ея, самому сдѣлаться богомъ можно, съ точки зрѣнія отрицающаго безсмертіе, путемъ самоубійства. Возможно, впрочемъ, при отрицаніи безсмертія, и примиреніе съ жизнью, подъ условіемъ устроенія ея *на новыхъ началахъ*, для осуществленія идеи человѣка-бога, возвышающагося надъ закономъ, добродѣтелью, дозволяющаго себѣ все, что служитъ къ личному счастью. Но это ведетъ къ антропофагіи. Болѣе благовиднымъ представляется проявленіе идеи человѣка-бога—въ водительствѣ массы людей къ счастью, путемъ тоже нарушенія закона, преступленій, только во имя добра. Но въ антимизмѣ этомъ и соединенномъ съ нимъ самозаконодательствѣ—источникъ насилія. Есть еще выходъ изъ состоянія, въ которомъ можно придти вслѣдствіе отрицанія основъ религіозно-нравственной жизни, связанныхъ съ идеєю безсмертія души,—это устроеніе жизни по требованіямъ науки, правоваго порядка, на началахъ свободы, равенства, братства. Но безъ внутреннихъ условій,

обеспечивающихъ благоуспѣшное приложеніе этихъ началъ, такое устроеніе жизни влечетъ за собою обособленіе и подавленіе личности со стороны общества, открывая полный просторъ насилию. Этою-же насильственностью отличается и соединеніе людей по идеѣ католической—всемірнаго владычества, прикрывающейся только христіанскими религіозно-нравственными началами, на самомъ-же дѣлѣ совершенно лишенной ихъ.

3. Внутреннія основы истинно-человѣческаго единенія, каковымъ является братство—эта высшая формула жизни людей, заключаются въ условіяхъ личнаго самоусовершенствованія, по духу христіанства, по началу правды и любви, проявляющимся въ самоосужденіи, признаніи взаимной виновности, во всепрощеніи, въ обмѣнѣ жертвъ, слѣдствіемъ чего должна являться гармонія въ отношеніяхъ между людьми.

4. Такъ какъ религіозно-нравственная идея, съ которою связано личное самоусовершенствованіе, какъ условіе нравственнаго единенія, служитъ исключительно единящею силою націи, этого естественнаго, въ основѣ своей, союза, съ его „гражданскою формулою“, являющеюся въ государствѣ, то послѣднее должно преобразоваться по типу Церкви, носительницы религіозно-нравственной идеи, восходить до Церкви, чтобы тѣмъ способствовать ей въ устроеніи всемірнаго братства.

5. Живою силою, организующею всемірное братство, можетъ быть только Церковь вселенская, въ чистотѣ и неприкосновенности хранящая истину Христову, какова Церковь православная.

6. Ближайшимъ поприщемъ ея дѣйствія, почвою, гдѣ, такъ сказать, посѣяны уже сѣмена братства, которое должно разростись по всему человѣчеству, является русскій народъ, какъ воспитанный подъ вліяніемъ православія, а потому болѣе всѣхъ націй способный къ всечеловѣческому единенію, — быть проводникомъ началъ всемірнаго братства, уничтожить рознь, всѣ противорѣчія въ человѣчествѣ и, такимъ образомъ, дать жизни его характеръ гармоніи.

Св. Снегиревъ.